

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

12. См.: Зограф. Среднекитайский язык, с. 140; она же. Монгольско-китайская интерференция, с. 78-79.

Ю. А. Иоаннесян

ОБ ОБЩИХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ ГЕРАТСКОГО ДИАЛЕКТА ДАРИ И РЯДА ПЕРСИДСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Основы некоторых глаголов в персидских диалектах Хорасана и гератского диалекта дари отличны от соответствующих им в литературном персидском и дари языках. Так глагол со значением "хотеть, желать" предстает в отмеченных диалектах в сильно измененном виде.

Первое упоминание с попыткой объяснить происхождение указанного глагола содержится в трудах В.Иванова. В работе "Persian as spoken in Birjand" автор указывает на заманчивость возведения формы *моуш* в диалектах Хорасана не к глаголу *хāstān* (*khwās-tān*)¹, а какому-либо другому, с иной основой, если бы не наличие многочисленных "переходных" форм между *михāхам* (*mi-khwāham*) и *моуш*: *махум* (*makhum*), *михон* (*mikhon*)². Таким образом, по-мнению В.Иванова, начальный *м* в *моуш* возник из глагольного префикса *mi-*. Одновременно с утратой гласного элемента префикса произошло и выпадение начального согласного основы *х*: *михāхам* > *моуш*.

Подобное объяснение, однако, противоречит новым данным об указанном глаголе. В гератском диалекте дари отмечены формы причастий прошедшего и будущего времени глагола "любить, хотеть": *мастə* // *маста*; *мастани* : *be dūnim sad ko bə arjā be...ruz-i se tā waskāt mastə beši be to tyar mikonān* "За двести пятьдесят [афгани] тебе в любом месте, где бы ты не пожелал, за один день сошьют три жилета"; *yak du piyāle du gilās-e šir amgā-ye kik mastā bāši miyāri mixori* "Если [ты] захочешь одну, две пиалы чая с кексом, принесешь [и] выпьешь". Форма *мастə beši* // *маста bāši* - 2 л. ед.ч. прош. вр. сосл. наклонения образуется от причастия прошедшего времени без префикса *mi-* // *ме-*.

Субстантивированное причастие будущего времени того же глагола - *мастанни* (с префиксом отрицания: *намāстанни*) употребляется в гератском диалекте в значении "любимый" (соответственно - "нелюбимый"): *baše-ye māstāni* "любимый сын"; *mādarun nāmāstāniyā-r yek-ir dād be gāwšarun dād-yeuk-i-r am dād be āsyawun* "Матерей тех недостойных любви сыновей [падишах] определил [на работу],

одну - к пастуху, другую - к мельнику". Причастие будущего времени в персидском, дари и таджикском языках также не образуется с помощью префикса *mi-//mē-*.

Таким образом, здесь, как и в предшествующем случае, вопреки предположению В.Иванова, согласный *m* является составной частью основы.

Данные гератского материала подтверждаются сведениями об отмеченном глаголе в персидском диалекте г.Кайена (Хорасан). Так Р.Зоморродян в статье "Le système verbal du Persan parlé à Qāyeh"³ приводит следующие формы - 1) перфекта: *mastā-y-om*⁴, *mastā-y-i*, *mastā* и т.п.; 2) будущего категоричного времени: *mo-x-om-mas*, *me-x-ai mas*, *me-x-a mas* (где *mo-//me-* - глагольный префикс, *x* - основа настоящего времени глагола *xāstan* как вспомогательного, *mast* - усеченный инфинитив смыслового глагола); 3) инфинитива: *masta* (с выпадением конечного *-n*), из которых со всей очевидностью явствует, что согласный *m* является частью глагольной основы.

Каким же образом *xāstan* мог принять форму *māstan*? Ответ на этот вопрос дает история. В языке классической персидско-таджикской литературы данный глагол имел следующий вид: *xwāstan*⁵. Если предположить, что начальная группа согласных *xw* могла упроститься с отпадением *x* (а не *w*), тогда глагол должен был принять форму *wāstan*. Последующим этапом этой метаморфозы явился переход губно-губного *w* в носовую губно-губной *m*. Назализация губных согласных имеет широкое распространение во многих диалектах ареала персидского, дари и таджикского языков. В гератском диалекте дари она - обычное явление. Правда, непосредственный переход *m* > *w* отмечен лишь в одном слове *змещ* "рычаг" - лт. *zwič*, зато наблюдается частая замена губно-губного спиранта *w* смычным *b*, а *b* носовым *m*: *bafā* "верность" < лт. *wafā*, *tabile* "конюшня" < лт. *ta-wila*, *dēb//dib* "див" < лт. *dēw*; *dasman* "браслет" < лт. *dasband*, *māšayn* "середина" < лт. *māšayn*, *zeman* "язык" < лт. *zabān* и т.п.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что формы *māyom*, *māyi*, *māye* и др. в гератском диалекте (равно как и в тех персидских диалектах, где они также отмечены), скорее всего, произошли от *mimāyom*, *mimāyi*, *mimāye* через промежуточную стадию - *mšayom*, *mšayi*, *mšaye*, а не от *mīxom*, *mīxom*, как полагал В.Иванов. Сравните аналогичное явление в других глаголах: *našunom* (< *našunom* < *našunom*) - 1 л. ед.ч. наст. вр. гл. "оставаться" с префиксом отрицания, *mini* (< *mīni* < *mibini*) - 2 л. ед.ч.

наст. вр. гл. "видеть". Отметим также некоторые переходные формы: *mbarom* - I л. ед.ч. наст. вр. гл. "уносить", *pašroge* - 3 л. ед. ч. наст. вр. гл. "спрашивать" с префиксом отрицания, *nehkoni* - 2 л. ед.ч. наст. вр. гл. "делать" с префиксом отрицания и т.п.⁶

Основы глаголов "падать" и "стоять" в персидских диалектах Хорасана также отличаются своеобразием. Они осложнены формантом *-ak*. В. Иванов в работе "Rustic poetry in the dialect of Khorasan" приводит формы третьего лица единственного числа настоящего времени указанных глаголов: *maftake, mistake*.⁷ Участие *-ak* в образовании различных глагольных форм знакомо многим диалектам дари, таджикского и персидского (главным образом, восточного Ирана) языков, где он присоединяется в третьем лице единственного числа претерита и имперфекта,⁸ а в систанском диалекте (аналогично гератскому диалекту дари) *-ak* также факультативно используется в повелительном наклонении.⁹ Своеобразие таких форм, как *maftake* и *mistake*, отмеченных В.Ивановым в Хорасане, состоит однако в превращении *-ak* в составной элемент глагольной основы настоящего времени.¹⁰

Новейшие исследования показали, что это явление не ограничивается пределами Хорасана, а наблюдается в пограничных с Ираном областях Афганистана. Так в гератском диалекте дари имеется полная парадигма форм глаголов "падать" и "стоять" с основной, осложненной формантом *-ak*: *age mā vor-dārim inā mān bə balā mifte-kaš* "Если я возьму их (драгоценности), я попаду в беду"; *sar-e šāu mistiki dāman-e xo nigiri korre-ye asr-e šelkorre ta mifte-ke bə dastā-ye xo nagirā dastā-ye to milaxōe bə tāu-ye šā mifte-ke* "Встанешь у колодца, подставивш подол своей /рубашки/, жеребёнок лошади о сорока жеребятах упадет /на него/, не трогай /жеребенка/ руками, у тебя руки скользкие, /и он, выскользнув/, попадет в колодец"; *ke bālā miši heugān mišuni Erāt be kojā misteke mā bə kojā mistekim* "Когда поднимаешься наверх, поражаешься - как далеко от тебя находится город Герат, и где стоишь ты (букв.: где стоим мы)". Отметим также форму повелительного наклонения с двойным наращением *-ak*: *lav-e xate-ye sarak-rā bestekak* "Становись у обочины дороги".

Итак, как явствует из вышеизложенного, гератский диалект языка дари по ряду общих особенностей глагольных основ сближается с персидскими диалектами Хорасана.

I. Здесь и далее в скобках приводится транскрипция авторов цитируемой литературы.

2. См. *Persian as spoken in Birjand*. - *JASB, N.S.*, 1928, v. XXIV, с. 252.
3. См. R.Zomorredian. *Le système verbal du Persan parlé à Qâyen*. - *Studia Iranica*, 1974, t.3, fasc. 1, с. 106.
4. Здесь и далее транскрипция автора.
5. И поныне в традиционном произношении дари глагол "хотеть" имеет форму *xwāstan* (ср. Р.Фархади. *Разговорный фарси в Афганистане*. М., 1974, с. 46).
6. В пределах Ирана подобную форму глагола "хотеть" нельзя, очевидно, считать только "хорасанской". Так в материалах по наречию Кохруд (район г.Кашана) В.А.Жуковского встречаем *nemā'i* (немā'i) "не хочу" (В.А.Жуковский. *Материалы для изучения персидских наречий*. Ч.I. Диалекты полосы г.Кашана: Воншун, Кохруд, Кешэ, Зефрэ. СПб., 1888, с. 24). Тогда как в текстах на мешхедском диалекте А.Массе она не встречается (H.Massé. *Contes en persan populaire*. - *JA*, 1925, t.1).
7. См. W.Ivanow. *Rustic poetry in the dialect of Khorasan*. - *JASB, N.S.*, 1925, v. XXI, с. 252.
8. См. L.Bogdanov. *Stray notes on Kabuli-persian*. - *JASB*, 1930, n.s., № 1, с. 31; В.А.Ефимов. *Язык афганских хазара. Якаулангский диалект*. М., 1965, с. 53; В.С.Расторгуева. *Опыт сравнительного изучения таджикских говоров*. М., 1964, с. 82.
9. См. G.Lazard. *Morphologie du verbe dans le parler Persan du Sistan*. - *Studia Iranica*, 1974, t.3, fasc. 1, с. 77.
10. В некоторых таджикских диалектах *-ak* присоединяется к глагольной основе при образовании форм перфекта: *raftakam//raftagam, raftaki//raftagi* и т.п. (В.С.Расторгуева. 1964, с. 86), однако основы настоящего времени, осложненные этим формантом, в данных диалектах не отмечены.

И.Квонг.

СОЧЕТАНИЕ ДВУХ ГЛАГОЛОВ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (типы значений)

Сочетание двух глаголов в индонезийском языке в "Грамматике индонезийского языка" называется двойным сказуемым [1, 362]. Такие сочетания до сих пор не были предметом специального исследования. В данной статье мы попытаемся выявить значения глаголов, составляющих эти сочетания.